



Прот. К. Костромин, Д. В. Волужков

**К вопросу об отношении антилатинской полемики
к церковному праву Древней Руси (XI–XII века)**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10003

Аннотация: Церковь в Древней Руси настолько мало нуждалась в рецепции византийского церковного права, что немногочисленные опыты в области кодификации права привели лишь к созданию правовых сборников с включением в них фрагментов или полных сводов канонических предписаний. При этом в самой Древней Руси церковное правотворчество было развито чрезвычайно слабо. Некоторые созданные на Руси в XI–XII веках тексты стали пониматься как правовые в более поздние эпохи. Традиционно считается, что запрет на общение с католиками носит канонический характер. Подробный анализ формирования церковного права в Киевской Руси позволяет заключить, что, по крайней мере, до появления Сербской Кормчей 1262 года антилатинские запреты не регламентировались церковным правом. В княжеских гражданских и церковных правовых памятниках тема отношения к латинству не затрагивалась. Лишь по мере того, как архиерейские (митрополитов Георгия и Иоанна и епископа Нифонта) ответы на вопрошания клириков приобретали канонический статус, т. е. не ранее конца XIII века, правовой статус стал постепенно распространяться и на иные памятники антилатинской полемической литературы, доступной на тот момент на Руси.

Ключевые слова: полемика, латиняне, правовой, каноническое право, архиерей, устав.

Об авторах: Протоиерей Константин Александрович Костромин

кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент кафедры церковной истории, проректор по научно-богословской работе СПбДА.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

Дмитрий Владимирович Волужков

директор Издательства СПбДА.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

Ссылка на статью: Костромин К., прот., Волужков Д.В. К вопросу об отношении антилатинской полемики к церковному праву Древней Руси (XI–XII века) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2019. № 1 (11). С. 44–56.



K. A. Kostromin, D. V. Voluzhkov

**To the Question of Relation between Anti-latin Polemics
and the Church Law in Ancient Rus (11–12th centuries)**

DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10003

Abstract: The church in Ancient Rus needed so little for the reception of Byzantine church law that a few experiments in the codification of law only led to the creation of legal collections with the inclusion of fragments or complete sets of canonical precepts. At the same time, the church legislation was developed extremely weakly in the Ancient Rus. Some texts created in Russia in the 11th–12th centuries began to be understood as law in later periods. It is traditionally considered that the ban on communication with Catholics is canonized. A detailed analysis of the formation of church law in Kievan Rus suggests that, at least until the emergence of the Serbian Kormchaya in 1262, the anti-Latino prohibitions were not regulated by church law. In princely civil and ecclesiastical legal monuments, the topic of attitude towards latinism was not addressed. Only to the extent that the hierarchical (Metropolitans George and John and Bishop Nifont) answers the questions of clerics acquired canonical status, that is, no earlier than the end of the 13th century, the legal status began to gradually spread to other monuments of anti-Latian polemical literature available at that time in Russia.

Keywords: polemics, Latins, legal, canon law, the bishop, the charter.

About the authors: **Konstantin Alexandrovich Kostromin**

Archpriest, PhD in Theology, PhD in History, Associate Professor at the Department of Church History, Vice-Rector for Research, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

Dmitry Vladimirovich Voluzhkov

Head of Saint-Petersburg Orthodox Theological Academy Publishing.

E-mail: izdatspbda@gmail.com

Article link: Kostromin K. A., Voluzhkov D. V. To the Question of Relation between Anti-latin Polemics and the Church Law in Ancient Rus (11–12th centuries). *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2019, No. 1 (11), p. 44–56.

Говоря о церковном правотворчестве и правоприменении в Древней Руси, необходимо выделить несколько принципиальных моментов, которые позволят увидеть правовую ситуацию через призму принципа историзма. Церковное право¹, как и любая иная отрасль права, живет в непрерывном развитии. Право — в первую очередь светское — развивается, меняясь, адаптируясь к реалиям сегодняшнего дня, реагируя на насущные проблемы, требующие урегулирования правом, апеллируя в тоже время к правовым обычаям и нормам прошлого, и оставаясь одним из базовых связующих звеньев современности с традицией, сложившейся в течение длительного времени. В этом случае, как бы право ни было предельно актуализировано, оно всегда будет соотноситься с правовыми регуляторами общественных отношений, имевшими место в прошлом². Это утверждение справедливо как применительно к Древней Руси в целом (т. е. если говорить о появлении и развитии в ней государственности и, соответственно, права), так и к Древнерусской Церкви. Появление юридических сочинений в XI веке — как гражданских (Русская Правда и др.), так и церковных (Устав князя Владимира и др.) — говорит об их актуальности в это время, и позволяет как находить истоки их появления, в первую очередь, в правовых обычаях, так и усматривать их связь с эпохой, когда они были созданы.

Если право как таковое это порядок, регулирующий отношения отдельных лиц³ в обществе, то оно призвано отвечать на живую потребность сегодняшнего дня в правовом разрешении складывающихся ситуаций⁴. При этом обновляется его содержание, меняются правовые нормы и, как правило, виды и формы правовых актов. Если же нормативная правовая база перестает обновляться, то это фактически означает смерть данной системы права и, шире, всей правовой системы. После революций 1905–1922 годов церковное право как действующая правовая система практически перестала существовать⁵, так как применение правовых норм возможно только внутри государства, так как реализация права возможна лишь внутри государства, при его поддержке и защите. Со времени принятия кн. Владимиром христианства и до отречения имп. Николая II Церковь так или иначе была государственным институтом, а христианство было государственной религией, что, в том числе, обеспечивало действенность церковной правовой системы. Когда церковное право было действующим правом в рамках единой государственной системы правового регулирования общественных отношений (применительно к России этот период закончился с изданием Декрета Совета народных депутатов об отделении Церкви от государства), оно в некоторой степени подчинялось принципам традиционности и актуальности. Поэтому сегодня, когда церковное право призвано быть внесударственной правовой системой, его действенность и легитимность остаются под вопросом, а сама по себе правовая тематика фактически перешла из области насущной жизни в область истории, хотя усилия по внедрению церковной системы наказаний (а в современной церковной жизни право является скорее инструментом церковно-пенитенциарной системы) в рамках имеющихся правовых норм дает некоторый результат. Интересно, что древнерусские правовые нормы современным церковным судопроизводством

¹ В настоящей статье используется понятие «церковное право», под которым подразумевается каноническое право в совокупности со всем массивом правовых актов и правовых обычаев, с помощью которых осуществляется правовое регулирование в пределах Церкви.

² Бондар А. В. Традиции российской государственности и права человека // Власть. 2008. № 10. С. 39–45.

³ Здесь употребляется понятие «лица» в предельно широком смысле, без выделения их видов.

⁴ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 16, 123.

⁵ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 56–57.

совершенно игнорируются⁶, что говорит о том, что они больше не действуют, в отличие от соборных определений античной и постантичной эпох.

В ходе исторического развития церковного права было создано весьма значительное количество документов, совершенно различных по форме и назначению — не говоря уже о содержании, — которые имели именно правовое значение и юридическую силу. Соответственно, вопрос актуализации данных правовых актов приобретает особое значение. Упорядочение действующих и отсев отживших правовых норм обычно происходят в формах инкорпорации и/или кодификации права, необходимость которых определяется в первую очередь необходимостью правового регулирования меняющихся общественных отношений, а также меняющейся правоприменительной практикой. Следует отметить, что, если право светское подвергается систематизации более или менее регулярно, церковное право делало это редко и диспропорционально⁷. Для древнерусского церковного права свойственна была только первая форма — создание правовых сборников с включением в них фрагментов или полных сводов канонических предписаний (сохранившиеся сборники довольно позднего происхождения — конца XIV–XV веков — что косвенно говорит о слабой востребованности их в более ранние эпохи⁸). При этом в самой Древней Руси церковное правоотношение было развито чрезвычайно слабо. Подавляющее большинство нормативных правовых актов было доставлено из Византии или Болгарии и переведено с греческого языка на славянский часто даже не на Руси, как, например, известная Сербская Кормчая, принятая во всеобщее употребление на Владимирском Соборе в 1273(4) году⁹. В русском церковном праве нормы действовали (действуют) или прекращали (прекращают) свое действие в разное время, причем сделать заключения на этот счет можно, только изучая церковную правоприменительную практику, что представляет чрезвычайную трудность¹⁰.

Как уже отмечалось выше, церковное право весьма редко систематизировалось. Если в Византии, будучи связанным с действующим римским гражданским правом (например, в форме законодательных актов эпохи Юстиниана), оно проходило кодификацию по воле государственной власти несколько раз (причем иной раз трудно сказать, была ли это полноценная кодификация или в ней нужно наблюдать также в большей или меньшей степени очевидные элементы инкорпорации): Кодекс и Дигесты (Пандекты) Юстиниана, Синописис, Синтагма, Синагога, Номоканоны, Тактион Никона Черногорца и прочие¹¹, то на Руси первым церковноправовым памятником, который можно было бы назвать именно кодексом (хотя и с натяжкой), стал Стоглав. Предыдущие правовые памятники имели частный характер и их появление часто обуславливалось не столько потребностью в создании правового поля, сколько политические

⁶ Подробнее см.: *Волужков Д. В.* К вопросу об основаниях церковного судопроизводства: на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // ХЧ. 2018. № 3. С. 158–171; *Марк (Святогорев), иером., Тарнакин Н. А.* Юридические фикции и презумпции в церковном судопроизводстве (по Положению о Церковном суде 2008 г.) // ХЧ. 2018. № 1. С. 125–133.

⁷ *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 34–37.

⁸ *Грузнова Е. Б.* Отечественные традиции законоотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 110.

⁹ *Гайденок П. И.* Собор 1273(4) г. в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Гайденок П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 143–156.

¹⁰ *Костромин К., прот.* Правовое применение «Закона судного людем» в Киевской Руси // ХЧ. 2018. № 4. С. 113–123.

¹¹ *Цыпин В., прот.* Курс церковного права. Клин, 2004. С. 80–88.

интересы заказчика, исходившие из сиюминутной конъюнктуры¹². Данный тезис неизбежно приводит к выводу, что вопрос о характере действия церковных правовых норм в Древней Руси должен решаться иначе, чем это делается обычно. Это побуждает нас провести своеобразную ревизию тех памятников церковного права, с которыми — насколько это известно в исторической науке — были знакомы в Киевской Руси.

Различные церковноправовые документы имели (имеют) разную степень авторитетности и актуальности. Казалось бы, «Книга правил», как самый авторитетный источник церковного права в наши дни, включающая Правила святых апостолов, Вселенских и ряда Поместных Соборов, а также нескольких святых отцов, содержит нормы, большей части отжившие и сохраняющиеся разве только как своего рода прецедент, применяющийся по аналогии, или как собрание норм, к которым обращаются для обоснования карательных юридических мер¹³. К действовавшим сборникам церковноправовых норм прежде всего принадлежат синопсисы ранее кодифицированного права и постановлений Соборов. С момента появления официальных уставов и архиерейских грамот или указов они также включались в систему нормативной правовой документации, хотя уставы изначально имели несколько иную от непосредственно юридической функцию. Однако некоторые типы документов стали привлекаться в качестве правовых памятников позднее, например, архиерейские частные или циркулярные послания. Кажется, их правовое применение обуславливалось не только тем, что их автором был носитель реальной власти, но и по аналогии с применением посланий апостола Павла в правовой сфере в качестве своеобразного источника права. Поскольку данная статья посвящена древнерусской правовой проблематике, древние (позднеантичные) и современные нормативные документы здесь не учитываются.

Столь обширное введение общеправового содержания необходимо для того, чтобы обозначить проблему, поднимаемую в статье. Разумеется, что Русская Церковь в начальный период своего существования — во всяком случае, до появления Сербской Кормчей 1262 года¹⁴ — не участвовала в процессе систематизации церковноправовых актов, а получению правовых памятников непосредственно из Византии препятствовал языковой барьер, который преодолевался не системным переводом правовой документации, а «затыканием дыр» через случайные заимствования, создание своих текстов на основе или по мотивам византийского, а то даже отчасти и западного церковного права. Появление неких (неизвестных в настоящее время доподлинно) статей Номоканона в XI веке, упоминавшихся в «Церковном уставе князя Владимира»¹⁵, не могло решить проблемы наличия правовой лакуны в бытовании Церкви в Древней Руси.

Рассматривая проблему в глобальном масштабе, мы должны отметить, что в Русской Церкви в конце X — начале XII веков правовые документы появлялись редко и не в полном объеме из Византии или Болгарии, а также — из стран латинской традиции¹⁶. Византийские церковноправовые сборники, такие как Синопсис, Синтагма,

¹² Гайденко П. И. Собор 1273(4) г. в свете церковно-политической ситуации на Руси. С. 146–147.

¹³ Адельгейм П., прот. Реанимация церковного суда // Вера — диалог — общение: проблемы диалога церкви и общества. Материалы Международной научно-богословской конференции СФИ (Москва, 29 сентября — октября 2004 г.): Памяти С. С. Аверинцева. М., 2005. С. 440–449.

¹⁴ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М., 1978. С. 242–245.

¹⁵ Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 15.

¹⁶ См.: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М., 1978; Максимович К. А. Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М., 2008.

Синагога, отдельные подборки из Кодекса, Дигест, Институций или Новелл Юстиниана (за исключением того, что попало в состав Номоканона XIV титулов), судя по всему, почти не использовались в Киевской Руси. В книжности XI и начала XII веков практически нет следов детального знакомства с церковным правом Византии (мы пока исключаем конкретных митрополитов-греков, которые должны были хотя бы в общих чертах знать церковное право). Едва ли не единственный памятник, в котором засвидетельствовано знание о существовании Номоканона — Церковный устав князя Владимира, если считать, что он не претерпел существенных изменений в более поздние эпохи (что далеко не очевидно). Русь до появления Кормчей 1262 года едва ли была знакома с базовым церковноправовым наследием Византии¹⁷. Либо Кормчая книга все-таки уже была, пусть не широко, известна на Руси и ранее, либо отрывки из нее (обычно говорят о переводе при Ярославе Номоканона XIV титулов дофотиевской редакции)¹⁸. Утверждения, что, будучи одной из митрополий Константинопольской патриархии, Русская Церковь «руководствовалась теми же Номоканонами, что и Константинопольская Церковь»¹⁹, голословны и не более чем декларативны.

Уставы князя Владимира и Ярослава Мудрого — основные правовые памятники XI века — не содержат антилатинских глав. То же следует сказать и о «Законе судном людем», наиболее авторитетном славянском правовом памятнике²⁰. Этот момент важно учитывать в контексте споров, которые велись в научном сообществе относительно времени создания этих текстов. На сегодняшний день считается, что эти Уставы, хотя и появились в XI веке, со временем получили дополнения и исказились, что выясняется при сравнении их с реалиями XI или даже XIV века²¹.

Исходя из этих даже поверхностных наблюдений, можно сделать вывод, что правовые вопросы в Древней Руси были строго распределены по отраслевому признаку и принципу происхождения. Автономными «отраслями» права были «светское» право (например, «Русская правда»), княжеское право в отношении Церкви (например, «Церковный устав Владимира»), и собственно церковное (или внутрицерковное) право (например, канонические ответы митрополита Георгия). Первое и второе были отечественным продуктом, хотя в княжеских церковных уставах и упоминается использование греческого Номоканона. Гражданское право²² (Русская Правда и родственные ей кодексы) принципиально не содержит статей, касающихся религии и Церкви. Княжеские церковные уставы определяли имущественно-правовые вопросы существования Церкви в государствах-княжествах и определяли церковную судебную юрисдикцию, а также содержали конкретные правовые нормы, которые Церковь должна была применять в суде своей юрисдикции (т. е. князь не только обозначал область юрисдикции, но и сам утверждал нормативную правовую базу для деятельности церковного

¹⁷ Гайдено П. И. Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // ХЧ. 2018. № 2. С. 79–81. — Древнейшая древнерусская кормчая более архаичного состава — Ефремовская кормчая — была написана примерно в то же время, что и Сербская кормчая, после рецепции которой на Руси количество дошедших до наших дней заметно возрастает (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1984. С. 116 сл.).

¹⁸ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. С. 234–236.

¹⁹ Цыпин В., прот. Курс церковного права. С. 129.

²⁰ Костромин К., прот. Особенности «Закона судного людем» как одного из древнейших памятников древнерусского церковного права // Церковь. Богословие. История. Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 341–342.

²¹ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. С. 28–38.

²² Здесь понятие «гражданское право» употребляется в современном правовом смысле.

суда)²³. Таким образом, Церковь, по большому счету, не сильно нуждалась в рецепции византийского церковного права, тем более что оно воплощалось в большей степени в императорских постановлениях (конституциях) и кодексах, в качестве источника имело гражданскую власть и ориентировалось на византийские историко-правовое наследие и политико-экономические реалии.

Обращаясь о проблеме взаимоотношения антилатинской полемики и церковного права, необходимо хотя бы в общих чертах оговорить, какие нормы действующего церковного права были известны и могли быть применены на Руси XI–XII веков, а также какие из этих норм могли быть отнесены к сфере разграничения межцерковных связей, особенно в контексте международных конфликтов с участием Церкви (как, например, конфликт византийцев (греков) и римлян с немцами (латинян)). Если изучить состав Номоканона XIV титулов дофотиевской редакции, то в нем никаких статей антилатинского содержания или вообще статей, которые могли быть применены даже по аналогии, не было и не могло быть²⁴. Нет их и в княжеских церковных уставах Владимира и Ярослава²⁵. Антилатинские статьи есть только в трех правовых памятниках (или, вернее, ставших таковыми в глазах древнерусских книжников или заказчиков правовых сборников), причем все три были созданы греками-архиеереями на Руси:

- Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа (между 1062 и 1073 г.)²⁶;
- Ответы Иоанна, митрополита Русского, Иакову черноризцу (около 1083/84 г.)²⁷;
- Ответы Нифонта, епископа Новгородского, на вопросы Кирика, Саввы и Илии (между 1130 и 1156 г.)²⁸.

Из датировок создания этих памятников видно, что они были созданы за сравнительно короткое время — не более чем в течение 90 лет. Возникает вопрос, почему вплоть до XIV века не появилось более актуальных и более значимых (например, соборных) нормативных правовых актов или иных новых документов юридического характера, регламентирующих отношения с западными христианами²⁹. При этом объяснение, что в этот же период отсутствует рост числа и полемических антилатинских памятников, к правовой тематике применимо лишь частично, поскольку в полемике значительно большую роль играют законы психологии и социологии, а в правовой области — законы логики и политической целесообразности, и эффект,

²³ Гайдено П. И. Церковный Устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 81–82.

²⁴ Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб, 1906. Т. 1. С. 57–61.

²⁵ См.: Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

²⁶ Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопросание» // Славяне и их соседи. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211–262.

²⁷ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV в.) / Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908. Стб. 1–20.

²⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. РИБ. Т. VI. Стб. 21–62.

²⁹ Костромин К. А. Разделение церквей в контексте взаимоотношений Киевской Руси с Западной Европой во второй половине XI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 85–89; Костромин К. Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI — середина XII вв.). Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken: Sanktus, 2013; Костромин К., свящ. Динамика межконфессионального конфликта на Руси в XI–XII веках // Церковь. Богословие. История. Материалы Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 81–89.

в одном случае оказавшийся достаточным, в ином случае может оказаться не достигнутым. Если общественное мнение к середине XII века было в общем сформировано — или его дальнейшее формирование в нужном направлении уже более не волновало греков-иерархов, — то в области церковного права необходимы именно четкие правовые нормы, каковых так создано и не было. Впрочем, и функционирование церковного суда в Киевской Руси, надо думать, не было частым и безупречным с точки зрения применения канонов³⁰.

Если ответ на вопрос прямо дать затруднительно, то его можно сформулировать иначе, чтобы на него можно было хотя бы частично ответить. Переформулировать его можно так: а зачем вообще понадобилось составлять хотя бы и ответы с вопрошаниями как частное мнение иерархов, впоследствии обретшее значение нормативного правового акта? Вероятно, создание таких текстов указывает на то, что греки, приезжавшие на Русь и сталкивавшиеся здесь с тем, что византийское церковное право — как актуальное, так и устаревшее — на Руси не используется, были вынуждены разработать ряд норм для местного применения, исходя из местных реалий. Местные же реалии указывали на позитивный характер русско-европейских церковных взаимосвязей в эпоху конфликта между Константинополем и Римом³¹ (обратим внимание: почти независимо от экуменико-мировторческой политики императора Алексея Комнина). Даже в самой Византии, где конфликт развивался полным ходом, необходимые канонические правила (в основном касавшиеся литургико-канонической практики, такой как чиноприем католиков в Православие) появились заметно позднее. Сама по себе конфликтная ситуация была достаточным аргументом в политике, чтобы назрела острая необходимость в создании соответствующих церковноправовых норм. Тогда кажется неслучайным, что именно на Руси впервые были созданы антилатинские нормы (или тексты, воспринимавшиеся впоследствии как правовые), а также почему не появилось и постановлений, созданных более авторитетными властными органами.

Для подтверждения данной мысли можно привести примеры таких антилатинских положений, сопроводив их правовым комментарием³². Конечно, едва ли с помощью нескольких произвольно выбранных норм можно сделать индуктивный вывод с достаточно высокой степенью вероятности, который позволил бы понять, как именно политическая ситуация обрела форму запрета, который, благодаря психологическому воздействию на церковного человека³³, превратился в правовую норму, на какую, в свою очередь, оказалось возможным ссылаться в правовых актах (текстах).

³⁰ Гайденко П. И., Филиппов В. Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 106–116; Гайденко П. И. Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования) // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2017. № 10. С. 9–33.

³¹ См.: Костромин К. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken, 2013.

³² В настоящей статье под термином «правовой комментарий» понимается осмысление указанных текстов в контексте современных представлений о теории права, с использованием соответствующих понятий. Аналогичное осмысление в контексте действующего на момент создания антилатинских норм церковного права — при всей условности и неоднозначности этого понятия, о чем уже говорилось в настоящей статье — выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования.

³³ Костромин К., *прот.* Табу и антилатинская полемика в Древней Руси // Церковь. Богословие. История. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 107–113.

Ответы Георгия, митрополита Русского:

- Не подобает убо у латыни комканяя приимати, ни молитвы, ни пити с ними изъ единех чашь, ни ясти с ними изъ единехъ сосудовъ, ни понагия имъ давати³⁴

Не подобает у латинян принимать причастие и молитвы, пить с ними из одних чаш, есть с ними из одной посуды, и давать им просфоры³⁵

- Не достоить в латыньстеи церкви стояти и пения их стушаги³⁶
Не стоит стоять в латинских церквях и слушать их пение (богослужение)
- будеть в со[с]удехъ у латынина пили, то молитву створше и пити из них³⁷

Если латинянин пил из сосуда, то сотворив (очистительную) молитву, пить из них.

Ответы Иоанна, митрополита Русского:

- И си иже опресноком служить и в сырную неделю мяса ядять и кровь и давленину, сообщатися с ними или служити не подобаетъ; ясти же с ними, нужею суще, Христовы любве ради, не отинудь възбранно. Аще кто хоцеть сего убегати, изветь имея чистоты ради или немощи, отбегньеть; блюдетежеса, да не соблазнь от сего или вражда велика и злопоминание родиться: подобаетъ от болшаго зла изволити меньшее³⁸

С теми, кто совершает богослужение на опресноках, и не постится от мяса в сырную седмицу, и ест кровь и удавленину, не подобает общаться с ними и сослужить; есть же с ними, в случае нужды, ради Христовой любви, отнюдь не възбраняется. Если кто-то хочет этого избегать, имея намерение сохранить чистоту или по немощи, пусть избегает; но пусть блюдет, чтобы не появился от этого соблазн или великая вражда или злопамятство: подобает большему злу предпочесть меньшее.

- Иже дщерь благоверного князя даяти за мужь во ину страну, идеже служить опресноки и скверноедению не отметаються, недостойно зело и неподобно правоверным се творити своим детем сочтание: божественный устав и мирьскый законъ тояже веры благоверство повелеваетъ поимати³⁹

Те, кто выдает замуж дочь благоверного князя в другую страну, где совершается богослужение на опресноках, и не отказываются от скверноядения, (должны знать, что) это очень недостойно и не подобает правоверным творить своим детям такое (брако)сочетание: божественный устав и мирской закон повелевают принимать благоверство той же веры.

Ответы Нифонта, епископа Новгородского:

- Оже будеть кый человекъ и крещень въ латиньскую веру, и восхоцеть приступити къ намъ? — Атъ ходитъ въ церковь по 7 днии, а ты первее нарек ему

³⁴ Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа... С. 240.

³⁵ Переводы на современный русский язык выполнены прот. К. Костроминым.

³⁶ Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа... С. 241.

³⁷ Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа... С. 240.

³⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. РИБ. Т. 6. Стб. 3.

³⁹ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. РИБ. Т. 6. Стб. 7.

имя, таже 4 молитвы стваряй ему на день, иже-то по 10жды, молвятся, а мяса не дай, ни молока, и от оглашенных. И тако осмый день измыется и придет къ тебе, и створи ему молитвы по обычаю, и облечеши и въ порты чисты, или сам ся, и надежеша ризы крестныя и венець, и тако помажеша и святымъ мюромъ, и дай ему свещю. А на литургии даси ему причастье. И тако держиши, яко и новокрещенаго, аще мощно, и до осмаго дни. А первое, рекль бяше, томъ дни не разрешать, а поразумеюче, какъ будеть человекъ. Сам напсахъ и окно тако молвляше: Цесаригороде, рече, толко въ лентгы станеть, коли мажють и мюромъ, а масломъ, рече, не мазати⁴⁰

Если будет какой-нибудь человек, крещенный в латинскую веру, и захочет приступить к нам (что делать?). Пусть ходит в церковь семь дней, а ты прежде нареки ему имя, также четыре молитвы читай ему каждый день, которые говорятся по 10 раз, не давай ему мяса и молока, и пусть выходит из храма с оглашенными. Итак, в восьмой день омоется и придет к тебе, сотвори ему молитвы по обычаю, облачи его в чистую одежду (или он сам себя), наденешь на него крещальную одежду и головной убор, и так помажь его святым миром, и дай ему свечу. А на литургии дай ему причастие. И так держи его, как и новокрещенного, если получится, до восьмого дня. А прежде я тебе говорил в тот же день его не разрешать, а подумав (скажу), как сможет человек. Сам написал, а эконом сказал так: в Царьграде, говорит, только перепоясывают ленточками, и если только мажут его миром, а маслом, говорит, не мажут

- А оже се носили къ варяжскому попу дети на молитву? — 6 недель опитемье, рече, занеже акы двоверци суть⁴¹

А если носили детей на молитву к варяжскому попу? Ответ: 6 недель епитимии, сказал, поскольку они как бы двоверцы

Итак, все три текста, помимо темы, объединяет главное — это правила поведения, предназначенные для неограниченного круга лиц и рассчитанные на неоднократное — также неограниченное — применение. Также, поскольку известно о дальнейшем использовании этих текстов как норм права, можно высказать суждения об их правовом происхождении. Кажущийся очевидным прецедентный характер этих норм, тем не менее, таковым не является, поскольку они очевидно фиксируют несудебные прецеденты. Скорее указанные тексты напоминают римские *responsa prudentium*. Сходство с этим источником права тем более очевидно, что в своих рассуждениях их авторы не ссылаются ни на мнения других авторитетных правоведов, ни на постановления Соборов, ни на иные конкретные правовые акты, произнося правовое суждение *от себя*. Лишь в форме первого суждения митр. Георгия — «*не подобает...*» — можно увидеть сходство с формой отдельных правил Лаодикийского Собора, как раз касающихся вопросов охранения чистоты веры⁴².

По методу правового регулирования все указанные суждения являются, очевидно, императивными, несколько отличаясь лишь стилем изложения — суждения митр. Георгия более категоричны, суждения других архиереев (кроме суждения еп. Нифонта, содержащего санкцию) — мягче по форме, не столь категоричны.

Обращает на себя внимание еще одна общая особенность указанных текстов — отсутствие в них санкции, за исключением последнего суждения епископа Нифонта. Остальные суждения содержат в себе гипотезу и более-менее разработанную — особенно

⁴⁰ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. РИБ. Т. 6. Стб. 26–27.

⁴¹ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. РИБ. Т. 6. Стб. 60.

⁴² Лаод. 32, 33, 36.

у еп. Нифонта — диспозицию нормы. Указанная особенность может считаться наиболее значимой при достаточно поверхностном взгляде на особенности строения приведенных текстов-норм, особенно при сравнении их с наиболее древними и авторитетными каноническими нормами (например, Правилами Святых Апостолов, регулирующими вопросы охраны чистоты веры), содержащими, как правило, весьма категорические санкции.

Априорный правовой статус архиерейских посланий и включение в канонические сборники — хотя и в несколько более позднюю эпоху — «обыкновенных» полемических произведений (таких как послания митрополитов Иоанна и Никифора, а также Слово о вере латинской Феодосия грека, приписанное преподобному Феодосию Печерскому⁴³) привели к тому, что канонический статус был постепенно придан всему (насколько он оказался распространен) корпусу антилатинских произведений, бытовавших на Руси⁴⁴. В связи со сказанным можно утверждать, что после создания всех антилатинских произведений — и полемико-литературных, и церковноправовых — в течение второй половины XI — первой половины XII века, прекращение этого процесса в разгар охлаждения отношений с Западом в последующее время было вызвано тремя причинами:

- отношения уже были настолько испорчены, что их интенсификация посредством создания новых правовых документов более не требовалась: *status quo* во внешней политике Руси второй половины XII века напоминал аналогичные тенденции византийской политики;
- «рынок» антилатинских произведений был уже вполне насыщен, а его перенасыщение было лишним в связи с заметным сокращением самих взаимосвязей;
- регионализация и сокращение масштаба государственного правотворчества в отношении Церкви (вплоть до всплеска правового самоопределения Церкви в конце XIII века, а затем уже в XV веке) — выразившаяся в снижении статуса: два митрополичьих послания сменились одним епископским, а затем и в полном исчезновении данного жанра из актуального литературного творчества (что сопровождалось сменой великокняжеских уставов княжескими локальными грамотами, а затем исчезновением и их) — привели к тому, что процесс систематизации церковного права стал в некоторой степени хаотическим и неуправляемым, спровоцировав включение уже имеющихся антилатинских произведений в состав действующих церковноправовых сборников.

Таким образом, можно утверждать, что актуальность включения в церковноправовые сборники антилатинских произведений стала осознаваться лишь после того, как архиерейские (митрополитов Георгия и Иоанна и епископа Нифонта) ответы на вопрошания клириков приобрели канонический статус. Это произошло не ранее конца XIII века, когда на Руси произошел всплеск интереса к церковному праву, выразившемуся в рецепции Сербской Кормчей. До этого момента правовая культура древнерусской Церкви была крайне низкой, и антилатинская тематика не была воспринята в церковноправовую среду.

⁴³ Костромин К., *свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // ХЧ. 2011. № 1 (36). С. 6–97.

⁴⁴ Костромин К. Вопрошание Кирика с ответами Нифонта и канонико-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 3. Великий Новгород, 2014. С. 87–97.

Источники и литература

1. *Адельгейм П., прот.* Реанимация церковного суда // Вера — диалог — общение: проблемы диалога церкви и общества. Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 29 сентября — 1 октября 2004 г.): Памяти С. С. Аверинцева. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2005. С. 440–449.
2. *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Духовная библиотека, 2004.
3. *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб., 1906. Т. 1.
4. *Бондар А. В.* Традиции российской государственности и права человека // Власть. 2008. № 10. С. 39–45.
5. *Волужков Д. В.* К вопросу об основаниях церковного судопроизводства: на примере «Положения о церковном суде Русской Православной Церкви» от 2008 г. // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 158–171.
6. *Гайдено П. И.* Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 79–81.
7. *Гайдено П. И.* Собор 1273(4) г. в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. С. 143–156.
8. *Гайдено П. И.* Церковные суды и судопроизводство в домонгольской Руси (особенности организации и функционирования) // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2017. № 10. С. 9–33.
9. *Гайдено П. И.* Церковный Устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 80–85.
10. *Гайдено П. И., Филиппов В. Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 106–116.
11. *Грузнова Е. Б.* Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. Вып. 2 (10). С. 103–124.
12. *Костромин К. А.* Разделение церквей в контексте взаимоотношений Киевской Руси с Западной Европой во второй половине XI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 85–89.
13. *Костромин К.* Вопросание Кирика с ответами Нифонта и канонико-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 3 / Отв. ред. В. В. Мильков; Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2014. С. 87–97.
14. *Костромин К.* Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI — середина XII вв.). Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken: Sanktus, 2013.
15. *Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
16. *Костромин К., прот.* Особенности «Закона судного людем» как одного из древнейших памятников древнерусского церковного права // Церковь. Богословие. История. Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург: ЕДС, 2018. С. 337–342.

17. *Костромин К., прот.* Правовое применение «Закона судного людем» в Киевской Руси // *Христианское чтение*. 2018. № 4. С. 113–123.
18. *Костромин К., прот.* Табу и антилатинская полемика в Древней Руси // *Церковь. Богословие. История. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции* (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 107–113.
19. *Костромин К., свящ.* Динамика межконфессионального конфликта на Руси в XI–XIII веках // *Церковь. Богословие. История. Материалы Всероссийской научно-богословской конференции* (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). Екатеринбург, 2014. С. 81–89.
20. *Костромин К., свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // *Христианское чтение*. 2011. № 1 (36). С. 6–97.
21. *Максимович К. А.* Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковно-славянском переводе: Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.
22. *Марк (Святогоров), иером., Тарнакин Н. А.* Юридические фикции и презумпции в церковном судопроизводстве (по Положению о Церковном суде 2008 г.) // *Христианское чтение*. 2018. № 1. С. 125–133.
23. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV в.) / Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1908.
24. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
25. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М.: Наука, 1984.
26. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лунь, 1998.
27. *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // *Славяне и их соседи*. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211–262.
28. *Цыпин В., прот.* Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004.
29. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М.: Наука, 1978.
30. *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.
31. *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972.